

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РИМСКОМ СЕНАТЕ (40—20 гг. II в. до н. э.)

В западной историографии уже достаточно давно наметилась тенденция к тому, чтобы сводить основное содержание политической борьбы в Риме к борьбе за власть между отдельными семьями¹.

Давно подсчитано, что из 200 консулов, избранных за столетие до выступления Тиберия Гракха, 159 происходили из 10 патрицианских и 16 плебейских семей. Один только род Корнелиев за это время дал Риму 23 консула, Эмилиев — 11, Фульвиев — 10 и т. д.² В консульских списках 201 — 134 гг. до н. э. мы находим представителей только 25 семейств и лишь пять новых имен, да и то Катон — креатура Л. Валерия Флакка, Г. Меллий и Ман. Ацилий Глабрион — Сципиона Африканского³.

Безусловно, в какие-то периоды борьба между отдельными семьями за власть, за консульства и выгодные провинции весьма существенно влияла на политическую ситуацию в Риме. Но одним этим невозможно объяснить напряженную политическую борьбу в Риме этих десятилетий, особенно выступление Тиберия Гракха с аграрной реформой и попытки широких демократических преобразований, предпринятые Гаем Гракхом. Поэтому вывод советской историографии о наличии в 40—20-х гг. II в. до н. э. широкого демократического движения в Риме был совершенно закономерен.

Но, к сожалению, очень часто упускалась из виду связь этого движения, и в первую очередь деятельности братьев Гракхов, с политической борьбой в сенате; забыва-

¹ Наиболее четко: J. S a g s o r i n o, G. B l o s c h, *Histoire romaine*, II, P., 1929, стр. 172—175; M. S a r u, *A History of Rome*, L., 1938, стр. 262; R. S y m e, *The Roman Revolution*, Oxf., 1939, стр. 11—13; L. R. T a y l o r, *Party Politics in the Age of Caesar*, Berkeley, 1949, стр. 39—47; H. H. S c u l l a r d, *Roman Politics 200—150 B. C.*, Oxf., 1951, стр. 30; F. M ü n z e r, *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*, Stuttgart, 1963, стр. 257—280; E. S. G r u e n, *Roman Politics and the Criminal Courts 149—78 B. C.*, Camb., 1968, стр. 42; M. H. H a n d e r s e n, *Tiberius Gracchus and the Failure of Roman Republic*, «Theoria», 31, 1968, стр. 56—57; R. F. R o s s i, *La crisi della Repubblica*, в кн. «Nuove questioni di Storia Antica», Milano, 1968, стр. 384; H. C. B o r e n, в кн. «Tiberius Gracchus. Destroyer or Reformer of the Republic», ed. J. M. Riddle, Rexington, 1970, стр. 80—81; M. R o s t o v t z e f f, *Rome*, N. Y., 1970, стр. 95.

² Ю. А. Кулаковский, *История Рима*, Киев, 1885, стр. 388; С. И. Ковалев, *История Рима*, Л., 1948, стр. 94; G. de S a n c t i s, *Storia dei Romani*, IV, 1, Torino, 1923, стр. 487; S c u l l a r d, ук. соч., стр. 11.

³ S a r u, ук. соч., стр. 242, 254; S c u l l a r d, ук. соч., стр. 11.

лось, что и сами Гракхи — представители земельной аристократии, пусть и обедневшей,— были тесно связаны с определенными кругами нобилитета.

При таком несколько одностороннем, хотя в основном правильном взгляде на движение Гракхов, ускользают многие детали, существенно дополняющие наши представления об общем плане их реформы, ее первоначальных целях, движущих силах. Почему интересы крестьянства настойчиво защищают представители земельной аристократии? Почему истонники среди авторов гракханского аграрного законопроекта называют крупнейших юристов и ораторов того времени? Почему Цицерон (*De her.* I, 31) замечает, что аграрная реформа привела к расколу даже в сенате?

Следует отметить, что и Н. А. Машкин указывал на важность использования топографических данных для решения некоторых частных вопросов римской социальной истории ⁴, а С. И. Ковалев ⁵ заметил, что, несмотря на кажущуюся жестокость при подавлении движения Тиберия Гракха, «реакция носила чисто политический характер».

В настоящей статье мы попытаемся проследить связь между политической борьбой в римском сенате и движением Гракхов.

После объединения Италии (в III в. до н. э.) Рим становится на путь захвата других земель. В результате почти не прекращающихся войн были захвачены Испания, часть Северной Африки, Корсика, Сардиния, Сицилия, Балканский полуостров, а в 133 г. до н. э., согласно завещанию Аттала, к Риму отошло и Пергамское царство. Только что присоединенные земли поглощали огромное число римлян, контингенты армии все время росли. Если в ходе II Пунической войны потеря 50 тыс. граждан считалась огромной ⁶, то через какие-то несколько десятилетий эта цифра уже никого удивить не могла. Так, по далеко не полным данным, только в Африке во время III Пунической войны в армию было призвано около 120 тыс. чел. (*App., Pun.* 75). В том же 149 г. до н. э. в Греции и Македонии был расположен легион римлян (5 тыс. чел.), а в 148—147 гг.— два легиона (10 тыс. чел.), в 146—144 гг.— более 26 тыс. чел. (*Raus., VII*, 16). В Лузитании с 146 по 139 г. находились два легиона (около 10,5 тыс. чел.), такое же количество римлян находилось и под Нуманцией (*App., Iber.*, 45—49), а Сципион Эмилиан увеличил армию до 40 тыс. чел. ⁷ В Сицилии во время подавления первого восстания рабов было занято более 10 тыс. чел. (*Diod., XXXVI*, 4). Столько же было послано против восставшего Аристоника (*App., Mith.* 11). Естественно, завоевания, подавления восстаний сопровождалась огромными потерями в людях. В одной Испании между 155 и 151 гг. погибло более 32 тыс. чел. ⁸ Как показывает анализ цензовых списков середины II в., прирост населения в Риме не заметен. Более того, если взять относительно спокойные годы, то с 159 по 136 г. до н. э. в цензовых списках отмечается убыль римских граждан на 20 381 чел. ⁹ Уже с середины II в. до н. э. положение с наборами в армию очень осложнилось. В 154 г., когда вспыхнула война в Испании, в Риме не нашлось ни армии, ни полководцев, желавших туда отправиться (*Polyb., XXXV*, 4), то же повторилось и в 134 г. (*App., Iber.* 84). Не удивительно, что наиболее консервативная часть сената, по всей вероятности, стояла за прекращение политики дальнейших захватов чужих территорий, о чем свидетельствует выступление в 149 г. до н. э. верховного понтифика Публия Сципиона

⁴ Н. А. М а ш к и н, рец. на кн. R. S y m e, *Roman Revolution*, ВДИ, 1947, № 1, стр. 119.

⁵ К о в а л е в, ук. соч., стр. 353. Ср. К. В. Н и ч, *История Римской республики*, М., 1908, стр. 311; G r u e n, ук. соч., стр. 68.

⁶ Т. F r a n k, в *CAN*, VIII, 1930, стр. 343.

⁷ Т. F r a n k, в *ESAR*, I, стр. 222 сл.

⁸ A r r., *Iber.* 45, 46, 56, 58. Правда, не все они были римлянами. В значительной части это были союзники и латины, но ведь и данные наши далеко не полные (так, например, они не учитывают умерших от ран и болезней).

⁹ В 159 г.—338 314 чел. (*L i v.*, ep. 47), а в 136 г.—317 933 (*L i v.*, ep. 56), надо при этом учитывать факт, что в цензы не вносились отсутствовавшие во время ценза в Италии легионы — см. нашу статью в ВДИ, 1962, № 2, стр. 116—118.

Назики против Катона и его планов окончательного уничтожения Карфагена¹⁰. Но захват чужих территорий продолжался.

Другое решение проблемы рекомендовал так называемый «кружок» Сципиона Эмилиана. Его состав точно нам не известен, но обычно предполагают, что, кроме самого Сципиона, в него входили: ближайший его друг, юрист, консул 140 г. до н. э. Г. Леллий, Сципионов племянник — народный трибун 130 г. Квинт Элий Туберон, по-видимому, философ Панеций и историк Полибий. Дж. Бекер присоединял сюда и оратора, крупного юриста, консула 136 г. — Л. Фурия Фила; посещали «кружок», по его мнению, Тиберий Гракх, а также и Блосий¹¹. А. Г. Бернштейн включал в состав «кружка» народного трибуна 141 г., претора 136 г., консула 133 г., крупного юриста — П. Муция Сцеволу¹². А. Эстин считал членами «кружка» также и претора 155 г., консула 151 г. — Л. Постумия Альбина; крупного оратора, консула 137 г. — М. Эмилия Лепида Порцину, М. Фульвия Флакка, Л. Кальпурния Пизона Фруги, П. Лициния Красса Муциана, Теренция, Луцилия, Панеция¹³. Еще дальше пошел Э. С. Груэн¹⁴, включивший в состав «кружка» почти всех известных нам видных политических деятелей 40-х гг. II в. до н. э. Нам кажется, что нет оснований слишком раздвигать рамки «кружка».

Во многом решить вопрос может, по нашему мнению, диалог Цицерона «О государстве». Время действия диалога определено Цицероном (*De rep.* I, 14) точно — дни Латинских празднеств в консульство Тудитана и Аквилы (т. е. январь-февраль 129 г. до н. э.). Кроме самого Сципиона, в беседе участвуют Гай Леллий, Луций Фурий Фил, Маний Манилий, Квинт Элий Туберон, философ и крупный оратор Спурий Мумий; претор 118 г., консул 105 г. (известный впоследствии своим судебным процессом, где его противниками выступали публиканы Малой Азии) — Публий Рутилий Руф; зятья Лелия — Квинт Муций Сцевола и народный трибун 142 г., претор 126 г. — Гай Фавний; в ходе диалога его участники тепло отзываются об отсутствовавших Панеции Родосском и Полибии¹⁵; вероятно, к «кружку» принадлежал и поэт Марк Пакувий (*Cic., De orat.*, II, 155). Хотя диалог написан между 54 и 51 гг. до н. э.¹⁶ (т. е. через 75—78 лет после 129 г.), но общая политическая характеристика участников беседы, по-видимому, соответствует действительности. Цицерон имел возможность читать их сочинения, а с одним из них — Публием Рутилием даже встречался и, возможно, получил от него некоторые необходимые ему данные (*Cic., De rep.* I, 17). Характер беседы, родственные связи участников диалога, их близость во взглядах на важнейшие проблемы государственного устройства Рима, обсуждаемого в ходе диалога, — все это показывает, что выбор действующих лиц Цицероном был не случаен. Среди присутствующих — два известных юриста (Лелий и Манилий), все остальные — крупные политические деятели Римского государства второй половины II в. до н. э. По существу это люди, стоявшие каждый в свое время у кормила государственной власти, и они были, несомненно, хорошо информированы о состоянии государства, о положении дел в армии. Интересно также, что члены «кружка», как мы видели, были связаны родственными отношениями не только между собой, но и с крупнейшими политическими деятелями того времени. Так, на сестре Сципиона Терции был женат сын М. Порция Катона, достигший к 152 г. до н. э. звания претора¹⁷; сам Сципион был женат на Семпро-

¹⁰ P l u t., *Cato Mai.* 27, 1—2; ср. A p p., *Lib.* 69.

¹¹ J. B e c k e r, *The Influence of Roman Stoicism upon the Gracchi*, *PdP*, 95, 1964, стр. 125—127.

¹² A. H. B e r n s t e i n, *Prosopography and the Career of Publius Mucius Scaevola*, «*Classical Philology*», Chicago, 67, 1972, № 1, стр. 42.

¹³ A. E. A s t i n, *Scipio Aemilianus*, *Oxf.*, 1967, стр. 295 сл.

¹⁴ G r u e n, *ук. соч.*, стр. 23—25.

¹⁵ C i c., *De rep.* I, 34; ср. V e l l. P a t e r c., I, 13. Панеций в диалоге (*De rep.* I, 15) назван даже «нашим».

¹⁶ С. Л. У т ч е н к о, Политико-философские трактаты Цицерона, в кн. Ц и ц е р о н, *Диалоги*, М., 1966, стр. 154.

¹⁷ P l u t., *Cato Mai.* 20, 8; L i v., *ep.* 48; C i c., *Tusc.* III, 70; A u l. G e l l., XIII, 20, 9.

нии — сестре Гракхов¹⁸; Тиберий Гракх в свою очередь был женат на Клавдии, дочери крупного политического деятеля середины II в. до н. э. Аппия Клавдия; чья сестра была женой П. Лициния Красса Муциана; на дочери Красса Лицинии был женат Гай Гракх; к тому же П. Муций Сцевола и П. Лициний Красс Муциан были сводными братьями¹⁹.

Таким образом, создается своеобразная политическая семейно-клановая группировка, в среде которой и созревают планы многих реформ, но прежде всего, по-видимому, решение военной проблемы. Как показали события, это не был союз единомышленников. Впоследствии часть «кружка» отошла от всяких попыток изменить существующее положение в государстве, а некоторые из них даже открыто выступили против таковых. Но вначале было нечто общее, роднившее их всех — стремление улучшить положение в армии, от которой зависела судьба Рима.

Видимо, дальше предложений о некоторых государственных преобразованиях при сохранении за сенатом всех его прав в руководстве и государственном контроле дело идти не могло, причем провести эти предложения в жизнь мыслилось только законным, так сказать, конституционным путем. Сенаторы должны были добровольно отказаться от части земли в пользу малоземельного и безземельного крестьянства, чтобы таким образом увеличилось число граждан, способных к воинской службе (во II в. пролетарии в армию не допускались). Эти планы увеличить количество боеспособных граждан посредством аграрной реформы объективно совпадали со стремлением обедневших римлян к переделу земли. Ведь процесс обезземеления римских крестьян был довольно быстрым. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует Тит Ливий (XLII, 34), описывая (под 171 г. до н. э.) хозяйство 55-летнего легионера, прослужившего в армии 22 года и имевшего имущества всего один югер земли с домишком при большой, но, по-видимому, для римлян обычной семье (шесть сыновей и две дочери). Об этом же свидетельствует факт переселения 2000 колонистов в 183 г. в Мутину (более 300 км от Рима) на небольшие наделы по 5 юг.; в Парме (350 км от Рима) колонисты получили по 8 юг. (Liv., XXXIX, 55, 5—9), в Потенции и Пизавре в 184 г. — по 6 юг. (Liv., XXXIX, 44, 10), а в Грависках в 181 г. — по 5 юг. (Liv., XL, 29, 1—2). Можно полагать, что на римском Форуме широкая поддержка крестьянства любой попытке передела земли была обеспечена.

Провести аграрный законопроект в жизнь было поручено Г. Лелию, когда он занимал одну из государственных должностей²⁰. К сожалению, о дальнейших событиях нам известно лишь из одного весьма туманного места у Плутарха (Ti. Gracch. 8, 3), из которого невозможно понять, в чем конкретно состояло предложение Лелия. Ясно только, что законопроект встретил резкий отпор консервативной части сената и Лелий, отказавшись от дальнейших попыток, получил за это, по словам Плутарха, прозвище «Мудрого»²¹. Сложна и проблема датировки попытки Лелия²².

¹⁸ Можно предположить, что этот брак носил чисто политический характер. Если верить Аппиану (В. с. I, 20, 83), Семпрония не была любима мужем, да и сама его не любила.

¹⁹ D. C. E a r l, *Tiberius Gracchus. A Study in Politics*, Brussels, 1963, стр. 12—18.

²⁰ Лелий занимал пост претора в 145 г. (C i c., Lael. 96; Brut. 83; Nat. deor. III, 5), консула в 140 г. (C i c., Brut. 161; Tusc. V, 54; Lael. 96) и, вероятно, в 151 г. пост народного трибуна, но подтвердить этот факт данными источников невозможно.

²¹ Вполне вероятно, что это насмешка. Очевидно, правы те исследователи (F. B. M a r s h, *A History of Roman World from 146 to 30 B. C.*, L., 1953, стр. 405; H. H. S c u l l a r d, *Scipio Aemilianus and Roman Politics*, JRS, 50, 1960, стр. 62), которые, основываясь на характеристике Лелия у Цицерона, допускают, что тот свое прозвище получил за занятия философией. О мудрости Лелия есть упоминания и у Горация (Satyr. II, 1, 72).

²² 151 г., предлагали: W. E. H e i t l a n d, *The Roman Republic*, 2, Cambr., 1909, стр. 254; G. C a r d i n a l i, *Studi Graccani*, Genova, 1912, стр. 115; P. F r a s s a r o, *Studi sull'eta dei Gracchi*, т. I, 1914, стр. 76; С а r y, ук. соч., стр. 283; G. T i b i l e t t i, *Ricerche di storia agraria romana*, «Athenaeum», 28, 1950, стр. 235; L. R. T a y l o r, *Forerunners of the Gracchi*, JRS, 52, 1962, стр. 24. 145 г. предлагали: A. H. J. G r e e n i d g e, *History of Rome*, I, L., 1904, стр. 102; S c u l l a r d, *Scipio Aemilianus...*, стр. 62—65; G r u e n, ук. соч., стр. 26—27; E. J. V i s k e r m a n, *Chronology*

Наиболее подходящим для проведения законопроекта в жизнь был, как вам кажется, год преторства Г. Лелия — 145 г. до н. э. — весьма бурный в политической жизни Рима, когда трибунные комиции были перенесены на Форум (ранее они созывались у сенатской курии и были под постоянным наблюдением сената). Народным трибуном в этом году был Г. Лициний Красс, по характеристике Цицерона, человек весьма решительный²³. О трибунате Красса имеются сведения и у Варрона (R. г. I, 2, 9), где очень неясно говорится даже о какой-то аграрной реформе²⁴. Поэтому можно предполагать, что, когда претор 145 г. Г. Лелий выдвинул свой законопроект, народный трибуна этого же года Г. Лициний Красс, выступавший против сената, вполне мог его поддержать. Таким образом, речь идет, по-видимому, не о двух аграрных реформах (Лелия и Красса), а об одной и той же попытке Лелия, предпринятой в 145 г. Варрон мог связать ее с участником своего диалога Г. Лицинием Столоном на том основании, что тот был родственником Г. Лициния Красса. Все это дает нам основание считать предлагаемую дату 145 г. до н. э. наиболее вероятной из всех возможных. Отказавшись от законопроекта, Лелий спокойно прошел в консулы на 140 г. — достойная плата сената за послушание.

Дальнейшее десятилетие (145—135 гг. до н. э.) было отмечено накалом политической борьбы. Вопреки воле сената, в консулы 143 г. был избран Аппий Клавдий. Сенат не простил ему этого, и когда он за свои военные победы потребовал триумфа, ему было отказано. Но тот его все же провел под защитой весталки, то ли дочери, то ли сестры²⁵. В 142 г. в цензоры был избран Сципион Эмилиан, против его кандидатуры резко выступал Аппий Клавдий, домогавшийся той же должности²⁶. Народным трибуном в этом году был избран один из членов «кружка» — Г. Фанний (Cic., Ad. Att. 16, 13). В 140 г. консулом был избран другой участник «кружка» — Г. Лелий. В 139 г. в результате упорной борьбы был принят закон Квинта Габиния, вводивший тайное голосование при выборах магистратов²⁷. В 138 г. лидер консервативной части сената П. Корнелий Сципион Назика, будучи консулом, был даже арестован народным трибуном Г. Куриацием²⁸. В 137 г. не без влияния Сципиона Эмилиана был принят закон Л. Кассия Лонгина Равиллы, вводивший тайное голосование в центуриатных комициях при слушании дел о правоспособности римских граждан, за исключением дел о государственной измене; против этого резко, но безрезультатно выступали консулы 137 г.

of the Ancient World, L. 1968, стр. 220. 140 г. предлагали: В. И. Кузицин, в кн. «История древнего Рима», под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузнецова, М., стр. 156; F. Münzer, RE, Bd. 3, стр. 406; K. Biltz, Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus, Stuttgart, 1935, стр. 47; Cargolin, ук. соч., стр. 168, 175; T. R. S. Broughton, The Magistrates of the Roman Republic, I, N. Y., 1951, стр. 479; A. H. McDonald, The History of Rome and Italy in the Second Century B. C., CHJ, 6, 1939, стр. 144; G. de Santis, Storia dei Romani, 4, Torino, 1964, стр. 259; Earl, ук. соч., стр. 75—76; Astin, ук. соч., стр. 308; Handerson, ук. соч., стр. 61. 151—140 гг. предлагали: H. Last, в САН, IX, 1932, стр. 19—20; Marsch, ук. соч., стр. 404 сл. В большинстве случаев никаких существенных доказательств в пользу того или иного года исследователи не приводят.

²³ Он первым начал говорить, обращаясь лицом к народу (до него ораторы произносили свои речи, обращаясь к зданию сената) — Cic., Lael. 96. Он же предложил законопроект, согласно которому вакантные должности в жреческих коллегиях должны были заполняться путем выборов на народных собраниях — Cic., Lael. 96; Brut. 83; Nat. Deor. III, 5. Больше нигде имя Красса в источниках не упоминается.

²⁴ Уже Колумелла (I, 3, 10) не понимал этого места у Варрона. Не согласны друг с другом и современные комментаторы. Так, М. Е. Сергеев (Варрон, Сельское хозяйство, М.—Л., 1963, стр. 133; М. Е. Сергеев, Ученые земледельцы древней Италии, Л., 1970, стр. 230) отрицает историческую реальность аграрного законопроекта Красса, в то время как В. И. Кузицин (ВДИ, 1965, № 2, стр. 143) полагает, что Красс «предложил закон о наделении народа семиюгерным наделом».

²⁵ Cic., Pro Cluent. 34. Cluent. Suet., Tib. 2, 4; Oros., 5, 4, 7; Marsob., Sat. 3, 14, 14; Val. Max., 5, 4, 6.

²⁶ Plut., Aemil. Paul. 38, 3—5; ср. Cic., Brut. 85; De off. II, 76; Ad. Att. 16, 13, 2.

²⁷ Cic., De leg. III, 35; Lael. 41; De leg. agrar. II, 4.

²⁸ Cic., De leg. III, 20; Liv., ep. 55; Val. Max., III, 7, 3.

М. Эмилий Лепид Порцина (учитель Тиберия Гракха — Cic., Brut. 95) и народный трибун М. Антий Брисон²⁹. В том же году в сенате разгорелась упорная борьба вокруг утверждения договора с Нуманцией, заключенного при содействии Тиберия Гракха. Своим молчанием Сципион Эмилиан содействовал его аннулированию (Plut., Ti. Gracch. 7, 3). По сообщению Цицерона (De rep. III, 28), в последнем случае Сципиона поддержал консул 136 г. — член «кружка» Л. Фурий Фил и, по-видимому, весь «кружок» в целом³⁰.

Таким образом, видно, что «кружок» Сципиона после событий 145 г. до н. э. вовсе не отказался от активной политической деятельности, но от планов широких преобразований в государстве, вероятно, все же отошел. Однако такой отказ не мог снять эти очень важные и острые политические проблемы в жизни. Вполне вероятно, что на сей раз осуществить решение военной проблемы римского государства посредством надления крестьян землей решила другая группа нобилитета. Среди них историческая традиция в первую очередь называет опытного политика, претора 146 г. и консула 143 г., известного нам Аппия Клавдия Пульхра, которого она, видимо, не без основания представляет решительным личным врагом Сципиона и традиционной политики консервативной части сената³¹. То, что в 133 г. Тиберий Гракх выступил не как единоличный автор своего законопроекта, не подлежит никакому сомнению. В источниках есть прямые указания на то, что его аграрный законопроект составлен при помощи, а быть может, и при руководстве крупного оратора, впоследствии консула 131 г. — П. Лициния Красса Муциана³², его брата — одного из основателей теории гражданского права — П. Муция Сцевола (Plut., Ti. Gracch. 9, 1) и упомянутого нами Аппия Клавдия (там же).

Показателен сам момент, выбранный для трибуната Тиберия Гракха. Аппий Клавдий вместе со своим другом Г. Фульвием Нобилиором занимал со 136 г. до н. э. должность цензора, к тому же он по предложению Нобилиора был избран еще и принцепсом сената. Консулом в 133 г. был один из соавторов законопроекта, известный нам П. Муций Сцевола, который, кстати, в то время был единственным консулом в Риме так как его коллега по должности Л. Кальпурний Пизон Фруги был направлен в Сицилию на подавление восстания рабов³³. Сципион Эмилиан находился в Испании³⁴, и ему было трудно помешать проведению законопроекта в жизнь. Из девяти коллег по должности против Тиберия Гракха выступили только двое: в начале трибуната Марк Октавий и в конце — при подавлении движения — Публий Сатурей (Plut., Ti. Gracch., 19, 6). Обстановка на римском форуме и на этот раз была благоприятной для выдвижения проектов решения военной проблемы путем перераспределения земли, независимо от цели их авторов. Затянувшаяся война в Испании (138—132 гг. до н. э.) ничего, кроме потерь, не сулила. В Сицилии римские легионы с большим трудом подавляли восстание рабов (138—132 гг.) и поэтому вряд ли с острова прибывали суда с обычным уже дешевым хлебом — цена на него в Риме поднялась (Val. Max., III, 7, 9). Совсем не блестящим было и финансовое положение государства и, по всей вероятности, в 134 г. сенат был вынужден сделать крупный заем у публиканов, обеспечив его государственными доходами ближайшего пятилетия (Plut., Apophthegm., Scipio Min. 15). Не удивительно, что почти все колонны портиков, памятники, стены домов Рима были исписаны обращениями к авторам аграрной реформы призывами поскорее провести ее в жизнь (Plut., Ti. Gracch. 8, 4). Таким образом, еще раз стремление народных масс Рима к земле совпало с планами части нобилитета решить посредством ее перераспределения военную проблему.

²⁹ Cic., De leg. III, 35; 37; Brut. 97; 106; Lael. 41.

³⁰ Cp. R. E. Smith, The Failure of Roman Republic, Camb. 1955, стр. 77.

³¹ Dio Cass., XXIV, fr. 74; Oros., V, 4, 7; Cic. De rep. I, 31.

³² Cic., Acad. II, 13; Brut. 98; Aul. Gell., I, 13; Plut., Ti. Gracch. 9, 1. На его дочери был женат Гай Гракх, впрочем, Корнелий Непот это оспаривал — Plut., Ti. Gracch. 21, 1.

³³ См. CIL, I, 847; Oros., V, 9, 6; Val. Max., II, 7, 9; IV, 3, 10.

³⁴ Liv., ep. 59; App., Iber. 89—99; Val. Max., II, 7, 1—6; Oros., V, 7, 5—18; Flor., I, 34, 12—17; Eutrop., IV, 17.

О том, что в начале политической деятельности перед Тиберием Гракхом стояла только военная цель, с достаточной убедительностью свидетельствуют сохранившиеся фрагменты его речей, произнесенных во время борьбы вокруг аграрного законопроекта. Так, в одном из них он с негодованием говорил о массе рабов, не пригодных к военной службе (App., В. с. I, 9, 36), в другом спрашивал, не более ли полезен воин, чем не сражающийся человек, и, раскрывая перед римлянами перспективы будущих завоеваний, прямо ставил их в зависимость от принятия его предложений (App., В. с. I, 11, 45), еще в одном фрагменте он говорил о сражающихся и умирающих за Италию, у которых нет ничего, кроме воздуха и света (Plut., Ti. Gracch. 9, 5). Как бы подводя итог, Аппиан (В. с. I, 11, 43) прямо говорит, что целью гракханского законопроекта было получить для государства побольше боеспособных граждан. Характерно, что все эти речи были обращены к сенату, куда Тиберий и прямо обращался за помощью в расчете на поддержку³⁵. Естественно, в историографии давно уже был сделан вывод о том, что целью гракханского аграрного законопроекта, по замыслам его авторов, было вовсе не благосостояние народа, а лишь увеличение его боеспособности ради выгод класса рабовладельцев³⁶.

В свое время В. И. Кузищин предположил, что инициаторы реформы вели свои хозяйства методами Катона и поэтому нуждались в крепких крестьянских хозяйствах, из которых в случае нужды могли бы получить все необходимое для имений. Поместья у них были невелики (600—800 юг.) и в случае принятия аграрного законопроекта Тиберия Гракха они ничего не теряли³⁷. Но, к сожалению, это остается лишь предположением, так как у нас нет никаких данных об их имуществе, за исключением беглого и фактически малоговорящего сообщения Плутарха (Ti. Gracch. 10, 27) о том, что состояние самого Тиберия Гракха было отнюдь не блестяще. Прямую выгоду от реформы они могли получить лишь в том случае, если гракханские посессоры оказывались их непосредственными соседями, а установить это по имеющимся у нас источникам невозможно.

Мы не будем останавливаться на детальном анализе характера аграрной реформы, которая вышла далеко за узкие рамки замыслов ее инициаторов. Отметим, [что на сей раз она была продумана безукоризненно. И дело тут не столько в юридических формулировках, на что уже достаточно обращено внимания и в нашей, и в зарубежной историографии, сколько в практическом ее осуществлении. Согласно данным Liber Coloniarum, наделы гракханской аграрной комиссией раздавались квадратами, ориентированными по сторонам света с точным и детальным обозначением! границы участка: межвые камни в горах ставились через 120 футов, на равнине расстояние между ними составляло от 300 до 1390 футов³⁸. Как бы ни был мал участок земли, на нем должно было стоять не менее четырех камней, а в горах уже на 20-югерном участке должно было стоять не менее 20 камней. А ведь это были не просто камни, а камни с надписями, поэтому даже с технической стороны осуществлять переделы было совсем не легко.

И тем не менее аграрная комиссия, учрежденная в результате победы Тиберия Гракха, действовала весьма решительно. По-видимому, забирали лишки земель у всех, но, конечно, в первую очередь у союзников³⁹, причем нередко и совсем маленькие участки, о чем весьма красноречиво свидетельствует Аппиан (В. с. I, 10, 33). Переделу подлежала вся Италия. В Liber Coloniarum зафиксирована работа гракханской аграр-

³⁵ Plut., Ti. Gracch. 11; App., В. с. 12, 50.

³⁶ К о в а л е в, ук. соч., стр. 349; М. Е. С е р г е е н к о, Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана, ВДИ, 1958, № 2, стр. 153 сл.; Н. Д. Д о ц е н к о, Римская агрессия и борьба испанских племен за независимость, Ростов-на-Дону, 1965, стр. 54, ср. R. P ö h l m a n n, Zur Geschichte der Gracchenzeit, München, 1908, стр. 450—453; E a r l, ук. соч., стр. 61.

³⁷ В. И. К у з и щ и н, О лагифундиях во II в. до н. э., ВДИ, 1960, № 1, стр. 53.

³⁸ Liber Coloniarum, p. 215—216 цитируется по изданию Gromatici veteres, ed. C. Lachman et A. Rudorf, В., 1848. Издание: Liber Coloniarum, ed. E. Pais, 1923 нам, к сожалению, недоступно.

³⁹ Lex agraria 111 г. до н. э., § 3; C i c., De rep. III, 41; I, 31; Plut., Ti. Gracch. 9, 2.

ной комиссии на территории Лукании, Умбрии, Пицены, Этрурии, особенно значительно количество земельных наделов в Апулии и Лации⁴⁰.

И все же есть основания утверждать, что работа аграрной комиссии зашла в тупик. На основе анализа данных ценовых списков можно прийти к выводу, что за все время ее деятельности земля получило не более 16—17 тыс. чел.⁴¹ — цифра, для того времени хотя и значительная, но все же, видимо, далекая от предполагававшейся, — возродить среднее крестьянство в середине II в. до н. э. было уже невозможно.

Борьба сената с движением Тиберия Гракха была очень напряженной, и не только потому что реформатора поддерживали массы римского крестьянства. Сам сенат не сумел выступить как единое целое против реформы. Еще Аппиан (В. с. I, 16, 67) удивлялся, почему в Риме не было объявлено тогда чрезвычайное положение. По-видимому, многие в сенате, если не поддерживали реформатора, то во всяком случае сочувствовали ему. К сожалению, мы можем назвать лишь некоторых из их числа. Это принцепс сената и цензор Аппий Клавдий, консул П. Муций Сцевола, П. Лициний Красс Муциан, видимо, и другой цензор — друг Аппия Клавдия — Г. Фульвий Нобилиор; будущий консул 125 г. М. Фульвий Флакк, предупредивший Тиберия Гракха о готовящейся расправе (Plut., Ti. Gracch. 18, 1). Таким образом, замечание Цицерона (De rep. I, 31) о том, что аграрная реформа привела к расколу даже в сенате, выглядит вполне вероятным и даже убедительным.

Проведение аграрной реформы в жизнь поставило новые проблемы. Ведь свои наделы гракханские посессоры получали не столько за счет земли, отнятой у сенаторов, сколько — у союзников. А это грозило решению той же военной проблемы, ради которой и предпринималась аграрная реформа. Неудивительно, что в стане врагов реформатора очутился весь «кружок» Сципиона Эмилиана. Еще в 132 г. до н. э. Тиберия Гракха резко осудил сам Сципион⁴² — благодаря его выступлению в 131 или 130 г. был провален законопроект Папирия Карбона, допускавший повторное избрание в народные трибуны⁴³, а в 129 г. — приостановлена работа гракханской аграрной комиссии⁴⁴. Поэтому нет ничего удивительного в том, что внезапную смерть Сципиона рассматривали в Риме как политическое убийство⁴⁵. Многие, если не все участники «кружка», были солидарны с позицией своего главы. Так, в составе следственной комиссии по делу Тиберия Гракха мы видим весьма активного в прошлом участника «кружка» — Г. Лелия (Cic., Lael. 37), еще при жизни реформатора против него выступил и другой участник «кружка» — народный трибун 130 г. — Элий Туберон (Cic., Brut. 117). Но со смертью Сципиона «кружок» постепенно сходит с политической арены. Так, когда один из участников «кружка» Г. Фанний домогался в 123 г. должности консула, он ее получил лишь благодаря заступничеству Гая Гракха⁴⁶, что, впрочем, не помешало ему впоследствии выступить против реформатора (Plut., C. Gracch. 12, 1—2; ср. Cic., Brut. 99 сл.).

Тиберий Гракх погиб, но реформаторская группировка с его смертью своего существования не прекратила. Членом аграрной комиссии избирается один из авторов законопроекта — П. Лициний Красс, который после смерти Назики становится вер-

⁴⁰ Liber Coloniarum, p. 209—211, 215—216, 219, 227—230, 232—233, 237—239, 253, 255, 257, 260—261.

⁴¹ См. Я. Ю. Заборовский, К вопросу о достоверности ценовых списков II в. до н. э., ВДИ, 1962, № 2, стр. 118.

⁴² Plut., Ti. Gracch. 21, 4; Dio d., XXXIV, 7, 3.

⁴³ Cic., Lael. 96; De orat. II, 170; Liv., ep. 59. Предложение Карбона поддержал Гай Гракх — это было его первое выступление против Сципиона.

⁴⁴ Schol. Bobien. ad Cic., pro Mil. 3, 8, p. 118; Appian., V. с. I, 19, 78—80.

⁴⁵ Cic., Pro Mil. 16; De orat. II, 170; Lael. 12; 41; Ad fam., IX, 21, 3; De rep. VI, 12; Ad Quint. frat. II, 3, 31; Liv. ep. 59; Plut., C. Gracch. 10, 2—3; Appian. V. с. I, 20, 83; Vell. Pat., II, 4, 5—6; Val. Max., IV, 1, 12; De vir. ill. 58, 10; Ors., V, 10, 10; Schol. Bobien. ad Cic., pro Mil. 7, 16, p. 118. Вряд ли это соответствует действительности. Не верится, чтобы сенат не использовал в своих целях расследование обстоятельств смерти Сципиона, но никакого расследования не производилось. Ср. Gruen, ук. соч., стр. 71.

⁴⁶ Plut., C. Gracch. 8, 2—3; Cic., Brut. 97.

ховным понтификом, а в 131 г. до н. э. выбирается в консулы. В том же 131 г. либо в 130 г. народный трибун Папирий Карбон внес, как мы видели, законопроект о праве народного трибуна быть избранным на эту же должность повторно и добился принятия закона, введшего тайное голосование при принятии законов в комициях⁴⁷. Тогда же, вероятно, был принят закон Г. Атиния, предоставлявший народным трибунам место и голос в сенате во время прохождения ими должности⁴⁸. В 130 г. преторами были избраны Л. Корнелий Цинна — отец известного впоследствии Цинны — консула 87—84 гг. и Л. Кассий Лонгин Равилла, уже известный нам по событиям 137 г. Интересно, что оба они избраны консулами в 127 г.⁴⁹ Вплоть до 129 г. продолжала свою работу аграрная комиссия. Уже в 126 г. в квесторы был избран Гай Гракх, а в 125 г. консулом становится упоминавшийся уже М. Фульвий Флакк, цензором этого года был Л. Кассий Лонгин Равилла⁵⁰.

Безусловно, все это совершалось не без поддержки определенных кругов нобилитета, о которых нам почти ничего не известно. Можно лишь констатировать, что, за исключением Тиберия Гракха, никто из авторов аграрного законопроекта не пострадал. Даже Аппий Клавдий, вызывающий такую ненависть у Цицерона (*De rep.* I, 31), и тот умер своей смертью⁵¹, по-видимому от старости. При подавлении движения Тиберия Гракха с ним погибли лишь рядовые его участники.

Избранный в консулы 125 г. М. Фульвий Флакк предложил законопроект, предоставлявший союзникам права римских граждан⁵². Как и следовало ожидать, это предложение вызвало резкий отпор консервативной части сената и законопроект был провален (*App.*, *V. c.* I, 21, 88). Внешне *lex de civitate sociis danda* Флакка к решению военной проблемы будто бы никакого отношения не имел, так как союзники и до того служили в римской армии и составляли в общем более половины состава легиона (на 4500 римлян — 5900 союзников). Но ведь римляне набирались исключительно из числа граждан, поэтому процентное отношение армии ко всей массе римских граждан было значительно выше, чем такое же соотношение между служившими в армии союзниками и всем населением Италии. Если бы законопроект Флакка был принят, численность армии сразу резко возросла бы, так как теперь процентную норму римлян в случае необходимости можно было бы распространить на все свободное мужское население Италии. Таким образом, военная проблема решалась бы совершенно по-новому: число военнообязанных возрастало бы не вследствие передела земли, а благодаря включению в политическую жизнь Рима сотен тысяч новых граждан.

Для нас события 125 г. до н. э. интересны еще и тем, что по существу мы имеем возможность наблюдать, хотя и не во всех деталях, разработку плана довольно широкого демократического преобразования Римского государства, во многом ломающего его старые полные рамки — плана, с программой которого в 123—122 гг. выступил Гай Гракх. Безусловно, программа его выступления была настолько широка, что объяснить ее появление только как результат деятельности одной «военной» оппозиции в сенате нет никаких оснований.

И все же среди многочисленных мероприятий Гая Гракха многие имеют прямое отношение к решению военной проблемы. Так, из осуществленных законопроектов можно назвать *lex de coloniis deducendis*, *lex de re militari*, а также отвергнутый сенатом и народным собранием законопроект *de civitate sociis danda*. Очевидно, Гай Гракх слишком далеко отошел от планов реформаторской части сената, поэтому сенаторы сумели вы-

⁴⁷ *Cic.*, *De leg.* III, 35; *Lael.* 41; *De orat.* II, 170.

⁴⁸ *Liv.*, ep. 59; *Plin.*, *N. h.* VII, 143; *Aul. Gell.*, XIV, 8. Т. Браунтон (*Broughton*, *ук. соч.*, I, стр. 458 сл.) допускает возможность того, что Атиний мог быть народным трибуном 149 г. и тогда же мог быть принят указанный закон.

⁴⁹ *Broughton*, *ук. соч.*, I, стр. 502, 507.

⁵⁰ *Cic.*, *Verr.* II, I, 143; *Vell. Pat.*, II, 10, 1.

⁵¹ Как полагает Э. Груэн (*Grueen*, *ук. соч.*, стр. 64), около 131 г. до н. э.

⁵² *Val Max.*, IX, 5, 1; *Cic.*, *Brut.* 108.

ступить против реформ почти единым фронтом⁵³. В 122 г. в Риме впервые за всю историю было объявлено чрезвычайное положение без формального назначения диктатора. В ходе подавления движения погибло более 3 тыс. чел. (Oros., V, 12, 10), причем не только рядовые его участники, но и некоторые представители нобилитета, в их числе бывший консул Фульвий Флакк с сыном Квинтом. Последний, по-видимому, никакого отишения к осуществлению реформ не имел.

После событий 122 г. до н. э. мы уже больше не встречаем никаких признаков наличия «военной» группировки в сенате. По всей вероятности, ее просто уже не было. И объясняется это не столько организационной слабостью оппозиции, сколько утопичностью ее программы. По существу, программы Г. Лелия и Тиберия Гракха, предлагавших возродить среднее и мелкое крестьянство, были попытками повернуть историю Рима вспять. Реформаторы и далее намеревались сохранить полисные особенности Рима по отношению ко всей остальной Италии, в то время как он уже давно вырос из рамок полисной структуры. Поэтому можно смело утверждать, что указанные программы были, несомненно, консервативными.

Намного сложнее обстоит дело с оценкой деятельности Гая Гракха, но и его программа, несмотря на кажущуюся радикальность, не касалась главного — аристократического характера Римского государства. Сенату, правда, пришлось кое в чем уступить всадникам, но народные массы Рима в результате реформ Гая Гракха мало что выиграли. Решение проблемы римской армии посредством увеличения численности римского крестьянства было уже невозможно, а посредством распространения на союзников гражданских прав — еще преждевременным. Даже Г. Марий, которому в 107—104 гг. до н. э., т. е. спустя 15 лет после Гая Гракха, удалось осуществить военную реформу, сделал это при сохранении всех полисных особенностей Рима. Нужна была Союзническая война, чтобы, наконец, в Риме поняли необходимость решения союзнической проблемы. Если мы правы в своих рассуждениях, то представляется возможным непосредственно связать выступления Г. Лелия (145 г.?), Тиберия Гракха (132 г.), Фульвия Флакка и Гая Гракха (125, 123—122 гг.) с военной реформой Г. Мария (107—104 гг.).

Кроме того, собранный материал дает, по нашему мнению, возможность определить наличие в сенате нескольких политических течений. На всем протяжении рассматриваемого периода (40—20-е гг. II в. до н. э.) мы видим группу консерваторов, возглавляемую Назикой, а после его смерти — Л. Опимием, выступавшую против любых попыток изменения в государстве. В то же время в сенате можно отметить наличие своеобразной «военной» оппозиции, весьма, правда, неорганизованной. Вначале в ней преобладало умеренное конституционное течение, представленное «кружком» Сципиона, выступавшее за решение военной проблемы путем частичного передела земли с согласия сената. Несколько позже можно отметить наличие более радикального течения, возглавлявшегося Аппием Клавдием, а к концу периода — Фульвием Флакком, выступавшим за решение военной проблемы посредством аграрной реформы, проводимой любыми средствами, и в 125—122 гг. до н. э. предлагавшим довольно широкую программу демократического преобразования римского государства.

Борьба между этими политическими течениями иногда существенно влияла на политическую обстановку в Риме. Но они были не в состоянии коренным образом изменить ход исторических событий из-за утопичности и даже консервативности предложенных программ, хотя во главе движения стояли такие яркие политические фигуры, как Сципион Эмилиан, Аппий Клавдий, братья Гракхи и Фульвий Флакк.

Я. Ю. Заборовский

⁵³ Все же, когда осажденные на Капитолии Гай Гракх и Фульвий Флакк предложили вести переговоры, и тогда еще в сенате нашлись сторонники мирного решения конфликта — Plut., C. Gracch. 16, 2.

POLITICAL GROUPS IN THE ROMAN SENATE, 40—20 B.C.

Ya. Yu. Zaborovsky

Of the several political groupings in the Senate at this time, the author singles out two for discussion: a group of conservatives who called for an end to expansionist politics and were against any attempt to introduce changes in the state structure (Scipio Nasica et al.) and their opponents, who wanted still more expansion and for that purpose urged agrarian reform as a means of increasing the number of citizens obliged to serve in the army. In this group the dominant view was at first mildly reformist, calling for such constitutional changes as might be approved by the Senate (the «circle» of Scipio Aemilianus); later, under new leadership, this group proposed more radical methods of putting through agrarian reforms and in 125—122 B.C. called for a broader programme of democratic reforms (Appius Claudius, Fulvius Flaccus). In each case political success depended not so much on the authority of leaders as on whether the plans they urged were capable of realisation, the extent to which their programmes coincided with a movement among the peasantry for redivision of the land. A programme that erred either on the utopian or on the conservative side was bound to fail in the long run. The author also takes up several more particular questions: he attempts to prove that 145 B. C. was the date of Caius Laelius's reform proposal, suggests the probable membership of the «circle» of Scipio Aemilianus and discusses the practical aspects of the work of the Gracchian agrarian commission.